

Уланова Галина

Вечная Джулетта не отпускает своих зрителей

В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ ПРОШЕЛ ВЕЧЕР «ГАЛИНЕ УЛНОВОЙ ПОСВЯЩАЕТСЯ»

■ Наталья ЗИМЯНИНА

В огромном пурпурно-золотом зале, всегда торжественном, привыкшем к великоледожавной славе, вечер памяти Улановой прошел сдержанно и достойно, без лишних официальных лиц. Под стать запомнившимся манерам великой балерины, которой так не подходила помпезность.

Владимир Васильев, президент Фонда Улановой и режиссер вечера, впервые за четыре года переступил порог Большого театра с тех пор, как началась чехарда в его руководстве. Оставаясь всеобщим любимцем (иначе как «Володя» и «Катя» с Максимовой никто меж-

ду собой в приличном артистическом мире не называет), он хорошо, с верной интонацией повел торжество.

Назвал шестерых юных стипендиатов фонда. И лауреатов награды «За беззаветное служение искусству танца»: Мариину Семенову, Игоря Моисеева, Раису Стручкову, Ольгу Лепешинскую, Николая Фадеевича. Начиная с этого года она вручается в виде знаменитой статуэтки Ломоносовского завода, созданной 40 лет назад и отлитой ныне по модели, хранящейся в Эрмитаже.

Хореографические номера в основном в исполнении артистов Большого и Мариинки чередовались с нерасхожей, часто

неизвестной хроникой, уникальными фотографиями Улановой – в ролях, в меховом капюшоне, в широкополой шляпе, за книгой, на дачной скамейке... Портрет удался!

Никому даже не хотелось обсуждать, что в Мариинке все-таки лучше кордебалет, зато у нас сильнее танцовщики. Каре из 36 балерин в «Симфонии до мажор» Баланчина лишило споры очевидной основы, а 24 московских лебедя были неотличимы друг от друга, и Принц почти напрасно метался по сцене...

Самым же сильным визуальным впечатлением вечера остается сохраненный старой плёнкой момент из «Ромео и Джулетты», когда Уланова бежит (не

танцует даже!) по сцене до сих пор перехватывает горло.

Мелодии из «Нормы» («Каста дива» – Татьяна Печникова) и «Сельской чести» («Молитва» – Татьяна Смирнова; обе певицы из «Новой оперы») возвышали слова из писем, написанных когда-то Андрониковым и Образцовой, Завадским и Раневской: «Дорогая Галина Сергеевна!..», «Дорогая Галия!..» Письма читались под звуки Шопена, и эпистолярная шопениана не раздражала, как это бывает, пустой литературницей.

Ждали, конечно, заключительного номера – Адажио из «Бриллиантов» Баланчина с Ульяной Лопаткиной. Столъ не похожая на Галину Сергеевну внешне, эта

балерина так и притягивает самоотреченностью, какой-то будто даже жертвенностью. Пусть – да, только на сцене, а дальше зрителям, даже поклонникам доступ, слава богу, закрыт. Редко, но бывают такие артисты.

Мелькнула в танце Лопаткиной и та же неразгаданная тайна, где искусство легко обгоняет ремесло, вдруг заставляет забыть о нем, оставаться один на один с совершенством. В этот негромкий вечер хотелось хоть раз бурных оваций – их по праву снискала маринская прима.

16 мая, день, который чтила сама Галина Сергеевна как день своего выпускного спектакля, теперь будет отмечаться в Москве ежегодно.

Вечер Москва 1994 — 17 мая с.б.

17.05.04